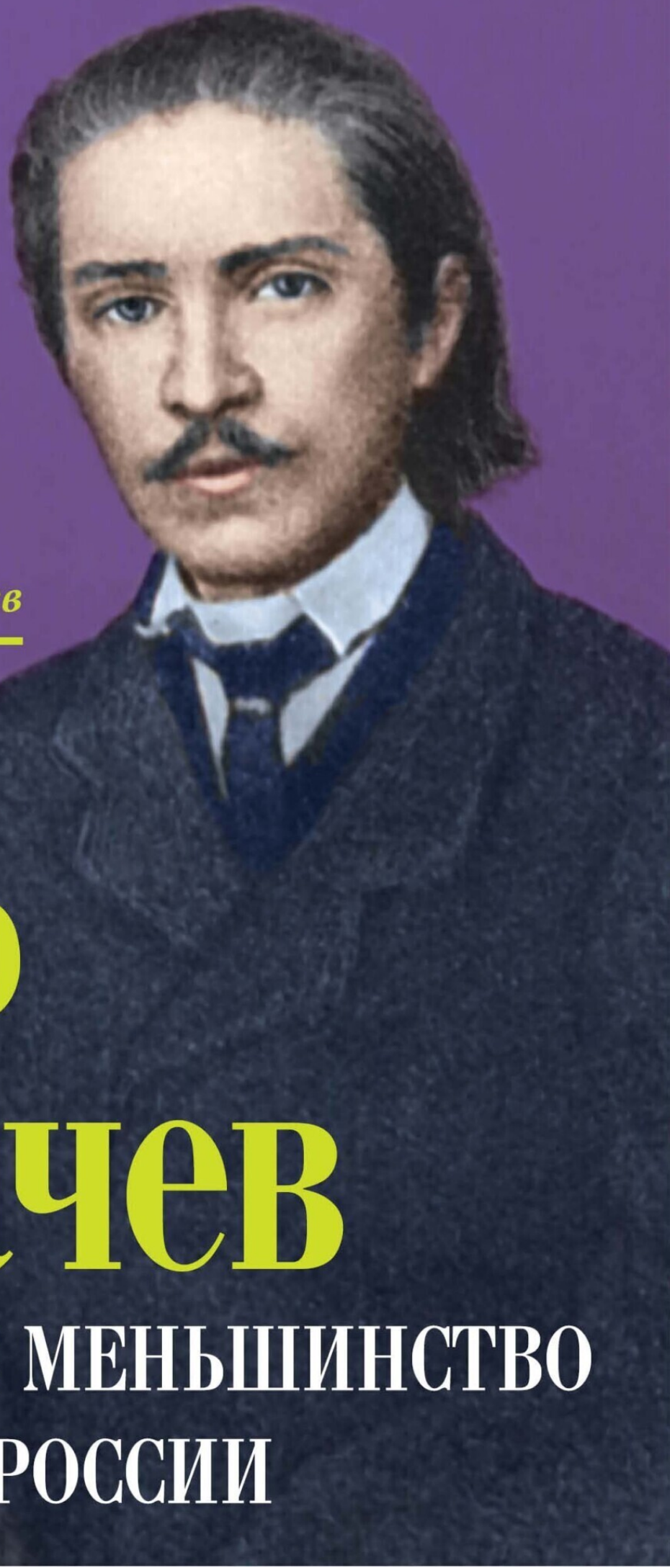

*“Истины
не следует
бояться.
Только трусам
свойственно
льстить
и вилать перед
ими же самими
созданными
кумирами”.*

Петр Ткачев

Петр Ткачев

**АКТИВНОЕ МЕНЬШИНСТВО
И ВЛАСТЬ РОССИИ**

Кто мы? 19 век

Петр Ткачев

**Активное меньшинство
и власть России**

«Алисторус»

УДК 009
ББК 63.3(2)522-414.13

Ткачев П. Н.

Активное меньшинство и власть России / П. Н. Ткачев —
«Алисторус», — (Кто мы? 19 век)

ISBN 978-5-00222-394-7

«Мы не имеем права возлагать на народ чересчур больших надежд. Нечего говорить глупости, будто народ, предоставленный самому себе, может наилучшим образом устроить свою судьбу», – писал Петр Ткачев (1844–1886), представитель «заговорщицкого» направления в народничестве. Он утверждал, что в российских условиях меньшинство населения находится в аванпосте европейской интеллигенции, а большинство, по складу ума и по образу жизни, приближается к состоянию первобытных людей. Таким образом, только активное меньшинство способно преобразовать жизнь России к лучшему, а сделать это надлежит путем заговора и переворота. В своих статьях, представленных в данной книге, он подробно обосновывает теорию переворота и намечает пути к его осуществлению. Произведения П.Н. Ткачева служат наглядной иллюстрацией взглядов «якобинской» части русской интеллигенции второй половины XIX века.

УДК 009

ББК 63.3(2)522-414.13

ISBN 978-5-00222-394-7

© Ткачев П. Н.

© Алисторус

Содержание

В набат!	6
Новый фазис революционного движения	6
Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России	10
В набат!	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Петр Ткачев
Активное меньшинство и власть России

© ООО «Издательство Родина», 2024

* * *

В набат!

Новый фазис революционного движения

(из одноименной статьи)

Благоразумные люди говорят, что «силу соломой не сломишь», что единичные протесты не приводят ни к каким полезным результатам, что они задаром только губят протестантов, что, пока нет силы сломить врага, нужно ему покоряться, нужно делать вид, будто ничего не видишь и не слышишь, а когда он бьет в одну щеку, с кротостью агнца подставлять другую.

По их мнению, в этом-то именно уменьи сдерживать себя и заключается вся суть благо-разумной нравственности. Но благоразумные люди забывают, что они имеют дело с живыми людьми и что живой человек лишь тогда только и может сделаться «благоразумным» по их рецепту, когда в нем окончательно будет забито и вытравлено всякое непосредственное нрав-ственное чувство. Но люди с окончательно забитым и вытравленным нравственным чувством и не пошли бы никогда «в стан погибающих за великое дело любви», т. е. они не могли бы быть революционерами.

Революционеры, выразители передовой общественной мысли, воплоители высших нравственных идеалов, перестали бы быть революционерами, изменили бы своему призванию, пошли бы наперекор своей природе, если бы они, увлекшись советами «благоразумных» людей, сносили бы с кротким безмолвием и смиренномудрым терпением дикие расправы, наг-лое самоуправство над ними и кругом них, ежедневно, ежечасно совершаемые самодержавным произволом.

Они должны были протестовать, и они протестовали. Среди повального раболепия, среди гробовой тишины обширной российской темницы раздался их теплый и энергичный голос: «Тираны, эксплуататоры, народные палачи, ненавистные тюремщики, вы богаты, могуще-ственные и сильны; вы сильны народным невежеством, народной нищетою, раболепием обще-ства; вы опираетесь на миллионы штыков, в вашем распоряжении миллионы преданных вам слуг и клеветов; мы – ваши невольники, мы скованы по рукам и ногам, у нас нет ни ваших богатств, ни вашей власти, ни войска, ни полиции, ни жандармов; у нас есть только безгра-ничная любовь к народу, безграничное уважение к человеческой личности и к человеческим правам. И во имя этой любви, во имя поруганных вами прав человека, мы не позволим вам больше безнаказанно пить кровь народа, безнаказанно давить и мучить наших братьев. Око за око, зуб за зуб, кровь за кровь!

Наши материальные силы далеко не равны: вас много, нас мало; вы вооружены с головы до ног, мы же выходим против вас почти с голыми, руками, как Давид против Голиафа. Но за нами великая нравственная сила, которой нет у вас. Эта нравственная сила – глубокое созна-ние правоты и святости нашего дела – поддержит и укрепит нашу руку, обеспечит нам победу в нашей неравной борьбе. Довольно было протестовать на словах, мы будем протестовать фак-тами. Никакие убеждения здравого смысла не могли вас образумить, вы были глухи к самым справедливейшим и естественнейшим требованиям народа; своими казнями, своими насили-ями, своими преследованиями вы убедили нас, что с вами нельзя говорить разумным челове-ческим языком, мы будем теперь говорить с вами кинжалом и револьвером.

Насилие можно обуздать только насилем же. Может быть, и кинжалы, и револьверы вас не образумят, но по крайней мере они отомстят вам за проливаемую вами кровь народа, кровь наших братьев».

«Что побудило вас стрелять в Трепова?» – спрашивали судьи Веру Засулич. «Я не могла допустить, – отвечала она, – чтобы надругательство над человеческой личностью осталось безнаказанным».

В этих простых и скромных словах торжественно был высказан тот высокий нравственный мотив, который побуждает нас в интересах общественной самозащиты взяться за кинжал и револьвер. Кто может быть настолько тупоумен, чтобы не понять, что люди, действующие под влиянием подобного мотива, не простые заурядные убийцы из-за угла, что они воплотители и исполнители требований высшей народной справедливости, чистейшей, истинно человеческой нравственности?

* * *

Но оставим в стороне чисто нравственный характер совершенных нами казней. Помимо своего нравственного значения, они имеют еще и другое и с нашей точки зрения еще более важное значение. Указывая на высокое развитие нравственного чувства в среде наших революционеров, они в то же время указывают и на пробуждение среди них сознания необходимости прямой, непосредственно-революционной практической деятельности.

Подготовлять, развивать, мирно пропагандировать и выжидать, пока большинство народа подрастет до понимания своих прав и обязанностей, все эти и им подобные символы революционно-реакционных программ прошлых лет перестали, очевидно, удовлетворять современному настроению революционной молодежи. Она стремится встать теперь на чисто революционный путь и своим примером, своею смелостью увлечь за собою по этому пути и народ.

Таким образом, вместо того, чтобы заниматься подготовлением средств для приготовления революции, они стараются вызвать непосредственный протест; иными словами, они снова возвращаются к нашим старым революционным традициям, тем традициям, которые на минуту были как будто забыты и на которые постоянно указывал наш журнал, традиции, с точки зрения которых задача революционера должна заключаться не в подготовке, а в непосредственном осуществлении революции.

Под непосредственным осуществлением революции подразумевается обыкновенно уничтожение всех органов государственной власти, упразднение современного государства, установление на место самодержавного, эксплуататорского самоуправления широкого свободного народоправства.

Само собою разумеется, что эта конечная, высшая задача революционной деятельности может быть поставлена и с успехом разрешена лишь совокупными усилиями всех наличных сил революционной партии, действующих по одному общему плану, друг другу взаимно помогающих; одним словом, она может быть поставлена и разрешена лишь в том случае, когда все отдельные, изолированно стоящие революционные кружки и группы сомкнутся в одну стройную дисциплинированную организацию. Отдельному, изолированному кружку, из каких бы смелых и энергических личностей он ни состоял, такая задача не под силу; еще менее она под силу той или другой отдельной личности, стоящей вне кружковой организации. Подготовка и осуществление государственного переворота требует широкой и разнообразной деятельности в различных направлениях и в различных местностях; между тем каждый единственный кружок приурочивает обыкновенно свою деятельность к одной какой-нибудь местности, либо к одному какому-нибудь социальному делу.

Вот почему революционная деятельность, ставящая своей целью непосредственное осуществление общественного переворота, только и возможна при полном объединении деятельностей всех или по крайней мере большинства единичных революционных кружков. И действительно история всех революций показывает нам, что такое объединение деятельностей единичных кружков всегда и повсюду предшествовало непосредственному насильственному перевороту.

В подготовительный период кружки, разединенные своими программами или какими-нибудь своими личными отношениями, ревниво оберегают свою самостоятельность и действуют каждый по собственной инициативе и под собственной ответственностью. Но чуть только у них является сознание необходимости непосредственно-революционной деятельности; чуть только они начинают сходить с пути приготовления на путь осуществления революции, они сейчас же чувствуют потребность в взаимном сплочении, в дисциплинировании своих единичных деятельностей, в подчинении их одному общему плану и руководству. Так было и в России перед восстанием декабристов, так было в Польше перед революциями 31 года и 1863 года, так было и во Франции перед революциями 30-го и 1848 года; так было и в Венгрии перед революцией 1848 года; тот же факт повторялся несколько раз и в истории революционных движений в Италии и Испании. Он необходимо должен повторяться теперь и у нас, раз наши революционеры сознают необходимость непосредственно-революционной деятельности.

* * *

Казни, совершенные в последнее время над шпионами и их шефами, вооруженное сопротивление, оказываемое при арестах, уличные демонстрации и т. п., – все эти факты, как мы сказали выше, несомненно доказывают, что сознание это уже пробудилось среди наших революционеров. Бок о бок с его пробуждением должна идти организация революционных кружков, должно начаться объединение и дисциплинирование их единичных деятельностей. В противном случае оно никогда не [будет] в состоянии осуществиться на практике, силы революционеров будут тратиться на мелочи, и революционеры, несмотря на все свое желание непосредственно-революционной деятельности, по-прежнему будут заниматься лишь чисто подготовительною работою, дело по-прежнему будет откладываться в долгий ящик.

Вот почему, признавая вполне все великое нравственное и агитаторское значение таких явлений, как казнь Гейкнига, Мезенцова, вооруженное сопротивление в Одессе и т. п., мы тем не менее утверждаем, что на подобные казни и демонстрации следует смотреть лишь как на одно из средств, а совсем не как на цель и главную задачу революционной деятельности. Для развития революционного дела в России будет в высшей степени вредно, если и это средство будет возведено в цель, как раньше были возведены в цель распространение запрещенных книжек, хождение в народ, местные бунты и другие более или менее частные эволюционные средства. Кто забывает за средством цель, тот тем самым удаляется от осуществления этой цели.

К несчастью, однако, при отсутствии сильной дисциплинированной организации, при отсутствии единства и солидарности в деятельности единичных революционных групп и кружков иначе и быть не может. Каждый отдельный кружок, приурочивая свою деятельность к осуществлению какой-нибудь частной специальной задачи, соответствующей вкусам, развитию и потребностям его членов, до такой степени увлекается ею, что в конце концов начинает смотреть на нее как на главную и единственную задачу революционной деятельности вообще.

Казни наших врагов, местные бунты, вооруженные сопротивления нашим палачам – все это вещи в высшей степени полезные и необходимые как для удовлетворения нашего нравственного чувства, так и для революционирования общества, но не они составляют конечную цель нашей деятельности. Мы стремимся не к уничтожению того или другого лица, вопло-

щающего в себе те или другие функции современной государственной власти, мы стремимся к уничтожению самой этой власти, к освобождению народа не от гнета того или другого из слуг данного государства, а от гнета самого государства.

Революционеры ни на секунду не должны упускать из виду этой своей основной задачи. Но для того, чтобы с успехом осуществить ее, они должны сомкнуться в тесную, солидарную, строго дисциплинированную организацию. Только объединение деятельностей единичных кружков, только подчинение их общему плану и руководству предохранит нас от смешения частных средств революционной деятельности с ее главной целью; только при таком объединении и подчинении мы приходим теперь к сознанию необходимости в непосредственно-революционной деятельности, вполне, всецело осуществится на практике.

Потому нынче более, чем когда-либо, каждый искренний, каждый честный революционер должен употреблять все свои усилия к упрочению и расширению революционной организации. Несколько лет тому назад, когда большинство революционеров не сознавало еще необходимости непосредственно-революционной деятельности, потребность в организации не могла чувствоваться с такою силою, с такою настоятельностью, с какою она чувствуется теперь. Теперь же, когда это сознание пробудилось, на всех лежит обязанность утилизировать его в интересах скорейшего осуществления революции, – иными словами, мы все обязаны стараться о такой комбинации революционных сил, при которой они всецело могли бы быть направлены на непосредственное произведение государственно-социального переворота.

Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России

«Кто только вдумается в современное положение России, придет необходимо к заключению, что положение это одно из тяжелых и быть продолжительным не может.

Наше экономическое положение потрясено; финансы в расстройстве... крестьяне, составляющие в общей массе народонаселения России 80 %, обеднели и оказываются почти не в состоянии нести тяжесть лежащих на них повинностей; учебная часть поставлена дурно, а учреждению народных школ и развитию грамотности в народе бывшее министерство народного просвещения ставило преднамеренные препятствия; еврейские беспорядки обнаружили присутствие в народных массах недоброго чувства не только против евреев, но и вообще против имущих классов; полиция оказывается несоответствующею обязанностям, на нее возложенным, и урядники вместе со станowymi и исправниками не приносят ни народу, ни правительству пользы; злоупотребления и хищения расстроивают народный организм...»

Вышеприведенная выписка сделана нами не из какой-нибудь «подпольной» брошюры, не из какой-нибудь революционной прокламации, не из какого-нибудь заграничного издания, – нет, она сделана из передовой статьи № 174 (от 25 июня 1881) «Голоса», газеты, которую, конечно, никто не упрекнет в политической неблагонадежности, в недостатке холопского пресмыкательства, полицейского рвения и иных добродетелей, присущих российскому верноподданному.

Если «Голос» так характеризует современное положение России, если даже он находит его невыносимо тяжелым, то страшно даже подумать, каково же оно должно быть в действительности! Каково оно должно быть в действительности, если сознание его невыносимости начинает проникать в умы даже того забитого чиновничества, того отупелого и погрязшего в хищничестве дворянства и купечества, той развращенной, изолгавшейся и исподличавшейся «интеллигенции», отголоском чувств и мнений которых служат «Голос» и иные подобные ему представители нашей полицейско-официозной прессы!

Но кто же довел Россию до такого положения? кто расстроил и погубил народное благосостояние? кто довел массу народонаселения до состояния нищенства и хронического голода? кто задавил крестьянство под «бременем непосильных» налогов и повинностей? кто препятствовал развитию в народе грамотности, кто «поставил дурно» нашу учебную часть? кто водворил во всех отраслях общественного управления систему «хищения и всяческих злоупотреблений»? кто наградил нас урядниками, станowymi, исправниками и иными «блюстителями общественного спокойствия», не приносящими – по сознанию самих верноподданных – «ни малейшей пользы ни народу, ни государству»?

Кто? – Самодержавная, бесконтрольная, вездесущая и всемогущая власть «царя-батюшки». Ни один из верноподданных не может усомниться в этом факте, не перестав быть верноподданным. Усомниться в нем значит усомниться в силе, в всемогуществе, в самом принципе самодержавия. Но если самодержавие довело нас до такого положения, которое, по сознанию верноподданнейших из верноподданных, «продолжаться долее не может», если оно, по сознанию тех же верноподданнейших из верноподданных «потрясло наше экономическое состояние», «расстроило наши финансы», «ввергло большинство населения в бедность и нищету», «водворило во всех отраслях общественного управления систему хищничества и грабежа» и т. п., – то какие же чувства должно оно возбуждать к себе во всяком человеке, не утратившем «образа и подобия человеческого»?

Чувство негодования, озлобления, презрения, ненависти и мщениия. Эти чувства должны вызываться в нем, так сказать, сами собою, помимо даже его воли и желания, чисто рефлексивно-

ным, роковым, неизбежным образом, подобно тому, – как вызывается чувство боли при известном раздражении нерва.

По-видимому, невозможно себе представить такого нравственно и физически искаленного и развращенного существа, которое было бы в состоянии с искреннею признательностью лизать руку, его защищающую, целовать ногу, его топчашую, которое было бы в состоянии пылать чувством любви, благодарности и уважения к тому, кто вверг его во тьму нищеты и невежества, кто отнял у него все его человеческие права, кто предал его в безграничную власть хищников и грабителей.

По-видимому, подобного нравственного уroda не может существовать, так как его существование было бы отрицанием всех известных нам законов, управляющих природою, не только всякого мыслящего, но и просто даже чувствующего, организма. Потому, казалось бы, что и наши верноподданные, в качестве если не мыслящих, то хоть чувствующих организмов не могли бы и не должны были бы питать к самодержавной власти – источнику всех своих страданий и злосчастий – никаких иных чувств, кроме чувства озлобления, ненависти и негодования. Но что же мы видим на самом деле?

Чувствуя, и не только чувствуя, но и сознавая, и не только сознавая, но даже выражая это сознание в устном, а где и когда возможно, и в печатном слове, – чувствуя и сознавая невыносимость того положения, до которого довела нас самодержавная власть, наши верноподданные, в то же время, наперерыв спешат отличиться друг перед другом в выражении чувств «беспредельной благодарности», «бесконечной любви», «безграничной преданности» и «безусловного почтения и благоговения» к этой самой самодержавной власти!

Со всех углов России и от всех сословий шлют они своему самодержавному палачу, тирану и грабителю свои верноподданнические излияния; со всех концов России и от всех сословий шлют они ему своих «выборных» депутатов, которые, от лица всех пославших их, лижут (не в литературном, а в буквальном смысле слова) ему ноги, целуют его руки и, обливаясь слезами, заверяют его в своей любви, преданности и благодарности!..

Читая официальные отчеты о всех этих верноподданнических «излияниях», «коленипреклонениях» и «лизаниях», становится стыдно и гадко называться русским и невольно вспоминаются слова поэта:

К чему скотам дары природы?
Их можно резать или стричь –
Наследье им, из рода в роды
Ярмо с гремушкою, да бич!

Каким же образом могли до такой степени атрофироваться в людях, не только чувство «собственного, человеческого достоинства», но даже и элементарное, животное чувство себялюбия? Каким образом могли они дойти до такого невероятного нравственного падения и самоуничужения?

Никто, разумеется, не исключая даже и самих верноподданных, не сомневается в том, что во всех этих «излияниях», «коленипреклонениях», «лизаниях» и «славословиях» очень мало искренности и правды, но очень много лжи и лицемерия. Омывая слезами благодарности руку, которая их бьет, выражая свою любовь, преданность и благоговейное уважение к чудовищу, которое их грабит, разоряет, унижает, топчет в грязи, верноподданные действуют очевидно под влиянием тех же самых мотивов, которыми во времена крепостного права определялись и обуславливались отношения бесправного раба-холопа к полноправному владыке-помещику.

Мотивы же эти сводились – как всем известно – главным и почти исключительным образом к чувству страха, – страха за свою жизнь и личную безопасность. Под гнетом этого

чисто скотского страха, вызываемого присущим всякому животному инстинктом самосохранения, в душе раба-холопа вытравлялись постепенно все симпатические, человеческие чувства, извращались все его умственные и нравственные понятия, и он превращался действительно в какое-то нравственное чудовище, способное с благоговением и признательностью лизать руку, которая его душит, целовать ноги, которые его топчут; нравственное чудовище, совершенно лишенное всякого сознания собственного достоинства, всякого сознания своих человеческих прав, совершенно неспособное ни к какой борьбе, ни к какому активному протесту.

Упразднение крепостного права, устранив чисто юридическую (экономическая подчиненность осталась прежняя) подчиненность, в которой находилось крестьянство к помещикам, нисколько не устранило, а напротив еще больше усилило ту подчиненность, ту зависимость, в которой все русские верноподданные вообще находились и находятся, по отношению к самодержавной, бесконтрольной, всемогущей власти полицейско-бюрократического государства. Верноподданные, как во время, так и после крепостного права, остаются по-прежнему полными, безгласными холопами-рабами «царя-батюшки» и его слуг и клеветов.

В силу основного принципа самодержавия, царь-батюшка, его слуги и клеветы по-прежнему остаются полными, неограниченными хозяевами и распорядителями имущества, чести, свободы, жизни и всех вообще человеческих прав верноподданного. Сознывая или если и не всегда сознавая, то все-таки чувствуя и чувствуя весьма осязательно на собственной шкуре, свое рабское, бесправное, зависимое положение перед «предержавной, самодержавной властью», верноподданные всех чинов и сословий, а преимущественно верноподданные средних, буржуазных и так называемых интеллигентных классов, постоянно живут, или лучше сказать, прозябают, под всеокрушительным гнетом того же вечного, инстинктивного, животного страха, под гнетом которого, во времена крепостного права, прожили дворовые холопы самодержавных помещиков.

Этот-то страх и заставляет так, как он заставлял и дворовых холопов, лизать руки и ноги их самодержавного барина; воскурять ему фимиамы и воссылать ему слезные благодарности за все то унижение, за все те муки и страдания, которым ему благоугодно подвергать их. Этот-то страх в такой же степени, если еще не большей, исказил и продолжает искажать их нравственную, человеческую природу, в какой он исказил и извратил природу дворового холопа.

Он делает их совершенно неспособными – как делал и последнего – ни к борьбе, ни даже к пассивному протесту; он вытравляет из его ума самые элементарные понятия о правде и справедливости, из их сердца – самые элементарные чувства: человеческого достоинства, чести и самоуважения; он лишает их образа и подобия человеческого; он превращает их в бессмысленных скотов, с ослиным терпением несущих положенное на них ярмо; мало того, он атрофирует у них даже такие чувства, которые присущи и последнему скоту: собака, кошка защищают своих детенышей от своего владыки – человека; верноподданные же в угоду своего владыки-царя, откармливают его палачей мозгом и кровью своих собственных сыновей, дочерей, сестер и жен! Чтобы спасти свои шкуры, отец предает своего сына, жена – мужа, брат – брата! Как ужасен, как всемогущ должен быть страх, доведший тысячи, сотни тысяч людей до такого нравственного падения и вырождения, до такого нравственного уродства!

Извращая и искажая нравственную природу человека, страх этот является в то же время одною из самых могучих и непоколебимых опор самодержавной власти полицейско-буржуазного государства. В сущности говоря, последнее им только и сильно; исчезни страх из сердца верноподданных и самодержавное государство не могло бы просуществовать и дня. Потому-то все усилия людей, понимающих и сознающих весь ужас и всю невыносимость современного положения России, людей, искренно любящих народ и стремящихся к экономическому, политическому и нравственному возрождению своей родины, все усилия этих людей должны быть направлены к освобождению русского человека из-под гнета оболванивающего и оскотинивающего его страха.

Только освободившись хотя отчасти от этого страха, он в состоянии будет нравственно возродиться, он сознает свои права, сознает всю унижительность своего рабства и делается способным к активной борьбе со своими тиранами, кровопийцами и эксплуататорами.

Но каким же образом, при существовании данных политических и общественных условий, возможно достигнуть освобождения верноподданного от гнетущего его страха? Ведь этот страх порождается именно этими данными политическими и общественными условиями, — условиями, при которых судьба, свобода, честь и жизнь верноподданного всецело и безусловно зависят от самодурного произвола самодержавных чиновников. Следовательно, страх может исчезнуть лишь с устранением этих, порождающих его условий. Но с другой стороны, как могут быть устранены последствия, при господстве страха, обезличивающего человека, забивающего в нем все человеческие чувства, делающего его неспособным ни к борьбе, ни к активному протесту?

Как выйти из этого, по-видимому, заколдованного круга? По мнению так называемых либералов из него нас может вывести лишь путь мирного, постепенного общественного прогресса; они утешают себя наивною мечтою, что будто бы при «благожелательном направлении самодержавной власти постепенно будут расширяться различные общественные свободы, будет распространяться образование и что естественным результатом этого развития образования и расширения свобод явится ослабление самодержавного гнета, то есть освобождения верноподданного от извращающего и обольщающего его страха. Но ведь это несбыточная иллюзия, неосуществимая, химерическая утопия!

Во-первых, при том отношении, которое существует у нас между верноподданными, с одной стороны, и самодержавною властью, с другой, последняя не имеет ни малейшего резона поступаться своими правами в пользу первых. Зачем? Ведь верноподданные не только не протестуют и не жалуются, но, напротив, постоянно заверяют ее (не только на словах, но и на деле) в своей преданности, любви и признательности.

Во-вторых, если бы даже самодержавной власти и пришла невозможная фантазия развивать среди своих верноподданных человеческие идеи, и расширять их общественные свободы, то какой же бы от этого получился результат? Реформаторские попытки прошедшего царствования доказывают с очевидностью, не подлежащею ни малейшему сомнению, чему результат этот должен был бы равняться. Разве наши думы, наши земства, наша магистратура отваживались хоть когда-нибудь на серьезную попытку воспользоваться предоставленными им свободами?

Напротив, при всяком удобном случае, они из кожи лезли, чтобы засвидетельствовать перед самодержавною властью свою холопскую преданность и свое решительное нежелание в чем бы то ни было ей перечить и прекословить.

Страх перед всемогущим самодержавием, страх вполне естественный и неизбежный, делал и делает наших верноподданных совершенно неспособными пользоваться какими бы то ни было свободами, которыми благоугодно будет самодержавной власти наградить их. Что же касается до распространения разумного, человеческого воспитания среди людей, потерявших — под гнетом страха — образ и подобие человеческого, то об этом смешно даже и думать... Разве рабская, извращенная страхом натура способна воспринять и подчиниться влиянию каких-нибудь, разумных, человеческих идей?

Нет, — единственно практическое, единственно действительное средство достигнуть политического и социального возрождения России состоит в том, чтобы освободить верноподданных от гнетущего их страха перед «властью предрержащею», и только тогда, когда они освободятся от этого страха, в них проснутся человеческие чувства, в них пробудится сознание их человеческих прав, у них явится и желание, и сила, и энергия бороться за эти права...

А так как сила гнетущего их страха прямо пропорциональна силе, дисциплине и организации «предрержащей власти», то отсюда само собою следует, что для ослабления первой,

т. е. силы страха, необходимо ослабить, расшатать, дезорганизовать силу второй, т. е. данной государственной власти.

Достигнуть же последней цели, т. е. дезорганизовать и ослабить правительственную власть, при существующих условиях политической и общественной жизни России, возможно лишь одним способом: терроризированием отдельных личностей, воплощающих в себе, в большей или меньшей степени, правительственную власть.

Скорая и справедливая расправа с носителями самодержавной власти и их клеветами производит на эту власть, как доказали события последнего времени, именно то действие, которое, с точки зрения истинных интересов верноподданных, должно быть для последних наиболее желательным. Она ослабляет эту власть, нагоняет на нее панику, расстраивает ее функции, заставляет ее – в буквальном смысле этого слова – терять голову.

В то же время, она умаляет ее авторитет и разрушает ту иллюзию неприкосновенности самодержавия, в которую так искренне верит большинство верноподданных. Иными словами, революционный терроризм, дезорганизуя, ослабляя и запугивая правительственную власть (или, что все равно, носителей этой власти), тем самым содействует высвобождению верноподданных из под гнета оболванивающего и оскотнивающего их страха, т. е. содействует их нравственному возрождению, пробуждению в них, забитых страхом, человеческих чувств; возвращению образа и подобия человеческого...

Революционный терроризм является, таким образом, не только наиболее верным и практическим средством дезорганизовать существующее полицейско-бюрократическое государство, является единственным действительным средством нравственно переродить холопа-верноподданного в человека-гражданина.

В набат!

(из одноименной статьи)

Сегодня наше государство – фикция, предание, не имеющее в народной жизни никаких корней. Оно всем ненавистно, оно во всех, даже в собственных слугах, вызывает чувство тупого озлобления и рабского страха, смешанного с лакейским презрением. Его боятся, потому что у него материальная сила; но если оно потеряет эту силу, ни одна рука не поднимется на его защиту.

Сегодня оно абсолютно нелепо и нелепо абсолютно. Вы видите, государство, отчаиваясь совладать с нами, зовет к себе на помощь буржуазное общество, интеллигенцию. Но, увы! Его союзники отказываются ему служить, по крайней мере даром, устами своих публицистов они говорят ему: «Мы сами ненавидим тебя; если ты хочешь, чтобы мы тебе служили, – поделись с нами всеми твоими правами; в противном случае – мы лучше пойдем за революционерами-утопистами. Они утописты, мы их не боимся. Только бы с тобою нам совладать, а с ними-то мы справимся!»

И они посылают в ряды наши своих детей, а их интеллигенция, за очень немногими исключениями, принадлежать к которым считается «позором и подлостью», – их интеллигенция решительно держит нашу сторону.

Народ, изнывающий под гнетом деспотического, грубого, варварского произвола, униженный, ограбленный, разоренный, лишенный решительно всех человеческих прав, слушает нас, сочувствует нам, и, если бы не его рабские привычки, исторически выработавшиеся под влиянием условий окружающей его жизни, если бы не его панический страх перед «властью предрержащею», он открыто восстал бы против своих эксплуататоров и грабителей.

Сегодня наши враги слабы, разъединены. Против нас одно правительство со своими чиновниками и солдатами. Но эти чиновники и солдаты – не более как бездушные автоматы, бессмысленные, слепые и часто бессознательные орудия в руках небольшой кучки автократов. Уничтожьте их, и вместо дисциплинированной и хорошо организованной армии живых врагов вы очутитесь лицом к лицу с нестройной толпой обезглавленных трупов. Следовательно, сегодня единственно сильным и опасным врагом является для нас только эта ничтожная кучка автократов.

Но к ней относится враждебно и все наше общество; как ни разнообразны составляющие его элементы, оно давно уже тяготится настоящим порядком вещей; неуверенность в личной безопасности, капризный и совершенно бессмысленный произвол выводят из терпения самых терпеливых.

Куда бы вы ни обратились, вы везде слышите одни и те же фразы: «Нет, так продолжаться долго не может! Нужно положить этому конец! Нет сил более терпеть!»

Это сегодня.

Но что будет завтра?..

Не надейтесь слишком на глупость наших врагов.

Пользуйтесь минутами. Такие минуты не часты в истории. Пропустить их – значит добровольно отсрочить возможность социальной революции надолго, – быть может, навсегда.

Не медлите же!

В набат! В набат!

Довольно вам толковать все о «подготовлении» да «подготовлении».

Подготавливать революцию – это совсем не дело революционера. Ее подготавливают эксплуататоры – капиталисты, помещики, попы, полиция, чиновники, консерваторы, либералы, прогрессисты и т. п.

Революционер же должен только пользоваться и известным образом комбинировать те уже готовые, данные революционные элементы, которые выработала история, которые вырастила экономическая жизнь народа, которые крепнут и развиваются благодаря тупости «охранителей», бессмыслию правительств с их жандармами и войсками, – благодаря, наконец, трудолюбивым возделывателям вертограда «мирного» прогресса и их буржуазной науки.

Революционер не подготавливает, а «делает» революцию.

Бить в набат, призывать к революции – значит указывать на ее необходимость и возможность именно в данный момент, выяснять практические средства ее осуществления, определять ее ближайшие цели.

* * *

Нас, революционеров, наши враги называют мечтателями, утопистами.

Враги наши правы, – правы, если они судят о нас по нашим «теоретикам-софистам», по нашим болтунам-резонерам. В то время как наиболее деятельная, наиболее искренняя и энергичная часть молодежи инстинктивно ищет непосредственно возможного, практически осуществимого, ей рекомендуют анархию как ближайшую цель революции.

В то время, когда молодежь частью сознательно, частью бессознательно стремится организовать, сплотиться как можно теснее и крепче, – ей нашептывают в уши, что основные принципы всякой тайной организации: иерархия, дисциплина, подчиненность, – что эти принципы ложные, вредные и даже безнравственные.

В то время как она, полная сил и веры, рвется на дело и хочет как можно скорее сорвать с народа давящие его цепи, ей говорят: «Подожди, не трогай, сперва – пропагандируй, внушай, просвещай, а уж потом – срывай».

Анархия как ближайшая, непосредственная цель революции, пропаганда как практическое средство для ее осуществления и, наконец, организация без дисциплины, иерархии и подчиненности, – разве все это не фантастические утопии, не ребяческие мечты?

А между тем вне этих мечтаний наша заграничная пресса не видит ничего реального, она влюблена в свои утопии и навязывает их молодежи.

Мы не отрицаем, что революционеры-мечтатели, революционеры-утописты, быть может, и необходимы, но только в подготовительный период, в период революционного брожения. В период же непосредственного действия они не только бесполезны, они вредны. Они отвлекают людей от практического дела, они расслабляют и обескураживают их, они их превращают в холодных резонеров и в конце концов доводят или до полного отчаяния, или до разочарования и покаяния.

Мы утверждаем, что последний период наступил.

Вот почему мы и говорим: «Не уносите мыслью слишком вперед, не отдаляйтесь от данной действительности, стойте твердо на почве трезвого, разумного реализма. Не мечтайте, а делайте, делайте революцию и делайте ее как можно скорее!»

Но для этого прежде всего нужно ясно и точно определить себе как ближайшую, практически достижимую цель революции, так и пути, ведущие к ее немедленному осуществлению.

В чем должна состоять ближайшая цель революции

Мы признаем анархию (или, точнее выражаясь, то, что под этим словом обыкновенно подразумевается), но только как желательный «идеал» отдаленного будущего. Однако мы

утверждаем, что слово анархия не выражает собою вполне идеала этого будущего: оно указывает только на одну его сторону, на одну, и совсем не существенную, черту будущего общественного строя.

Анархия – значит, безвластие. Но безвластие есть только одно из неизбежных, логических последствий причины более коренной, более глубокой – равенства.

Точно так же как и власть есть не причина, как утверждают анархисты, существующего социального зла, а лишь его необходимый результат.

Все общественные бедствия, вся социальная неправда обуславливаются и зависят исключительно от неравенства людей, неравенства физического, интеллектуального, экономического, политического и всякого другого.

Следовательно, пока существует неравенство хотя в какой-нибудь сфере человеческих отношений, до тех пор будет существовать власть. Анархия немислима, немислима логически (не говоря уже о ее практической невозможности) без предварительного установления абсолютного равенства между всеми членами общества. И потому самая существенная, самая характеристическая черта будущего общества и должна выражаться не словом анархия, а словом – равенство. Равенство предполагает анархию, анархия – свободу; но и равенство, и анархия, и свобода, все эти понятия совмещаются в одном понятии, в одном слове, в слове – братство. Где братство, там и равенство, где равенство – там и безвластие, там и свобода.

Отсюда само собою следует, что никакая революция не может установить анархию, не установив сначала братства и равенства.

Но, чтобы установить братство и равенство, нужно, во-первых, изменить данные условия общественного быта, уничтожить все те учреждения, которые вносят в жизнь людей неравенство, вражду, зависть, соперничество, и положить основание учреждениям, вносящим в нее начала, противоположные первым; во-вторых, изменить самую природу человека, перевоспитать его. Осуществить эту великую задачу могут, конечно, только люди, понимающие ее и искренно стремящиеся к ее разрешению, т. е. люди, умственно и нравственно развитые, т. е. меньшинство. Это меньшинство в силу своего более высокого умственного и нравственного развития всегда имеет и должно иметь умственную и нравственную власть над большинством.

Следовательно, революционеры – люди этого меньшинства, революционеры, воплощающие в себе лучшие умственные и нравственные силы общества, необходимо обладают и, оставаясь революционерами, не могут не обладать властью.

До революции эта власть имеет чисто нравственный, так сказать, духовный характер, а потому она оказывается совершенно бессильной в борьбе с таким порядком вещей, в котором все основано на грубой материальной силе, все подчинено расчету алчного, своекорыстного, хищнического эгоизма. Революционеры это понимают и стремятся путем насильственного переворота обратить свою силу умственную и нравственную в силу материальную.

В этой метаморфозе сил и заключается основная сущность всякой истинной революции. Без нее революция немислима. Умственная сила, изолированная от силы материальной, может создать лишь так называемый мирный прогресс. С другой стороны, всякое нападение на существующий порядок вещей, не руководимое и не дисциплинированное силой умственной, может породить лишь хаотическое брожение, – движение бессмысленное, бесцельное и в конце концов всегда реакционное.

Но так как в современных обществах вообще, и в России в особенности, материальная сила сосредоточена в государственной власти, то, следовательно, истинная революция, – действительная метаморфоза силы нравственной в силу материальную, – может совершиться только при одном условии: при захвате революционерами государственной власти в свои руки; иными словами, ближайшая, непосредственная цель революции должна заключаться не в чем ином, как только в том, чтобы овладеть правительственной властью и превратить данное, консервативное государство в государство революционное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.